

*Посвящается Эдану, Ашеру
и Скай. Помните, кто вы такие.*

БОЛЕЕ ТОЧНО И ТОЧНОЕ КАРТА СЕМИИ
СРПИ
(НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ПАРИЖСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ)

Химера

Мельничный мост

Водопад

Дунайский

Великая река Дунай

Водоносная Вилла

Торборо

Замок Тита

Бабер

СРПИ

БОЛЕЕ ТОЧНО И ТОЧНОЕ КАРТА СЕМИИ

(НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ПАРИЖСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ)

1

— Клыкастая коро-о-ова! — вопил Подо, колотя палкой по стволу дуба. Глаза у старого пирата сверкали; он стоял у подножия дерева, как капитан корабля у мачты. — Клыкастая коро-ова! Живей! Все наверх!

На соседней полянке сквозь нити висячего мха со свистом пронеслась стрела и воткнулась в доску, на которой угольком был нарисован рычащий Клык. Стрела торчала у Клыка из пасти, и её древко ещё дрожало. Тинк опустил лук и прищурился, пытаясь понять, попал ли в цель, и совершенно не обращая внимания на дедушкины крики.

— Клыка-а-астая... ого, отличный выстрел, парень... коро-ова!

Подо снова стукнул по стволу. Ния торопливо полезла по верёвочной лестнице, которая вела к древесному дому Пита Носка. Из люка высунулась обтянутая носком рука и втянула Нию внутрь.

— Спасибо, Артам, — сказала она, не выпуская его руки и глядя ему в глаза в ожидании ответа.

Пит Носок, которого на самом деле звали Артам П. Ветрокрыл, посмотрел на неё и сглотнул. Веко у него дёрнулось. Он явно хотел сбежать, как делал всегда, когда Ния называла его по имени, но она крепко держала его за руку.

— Не за что... Ния.

Каждое слово он произносил с очевидным усилием, особенно последнее, но, казалось, безумие стало его покидать. Всего неделю назад, услышав имя «Артам», он впадал в бешенство — вопил, торопливо сбежал по верёвочной лестнице и надолго исчезал в чаще.

Ния выпустила его руку и посмотрела в люк в полу на отца, продолжающего колотить палкой по стволу и вопить, что приближаются клыкастые коровы.

— Пошли, Тинк! — крикнул Джаннер.

Время колчаном со стрелами, зажатым у него под мышкой, он бежал к Лили, сидящей верхом на Малыше. Малыш, который был размером с лошадь и не уступил бы никакой клыкастой корове, запыхтел и завиял хвостом. Тинк неохотно опустил лук и последовал за братом, озираясь, нет ли опасности. Братья помогли встревоженной Лили слезть, и все трое кинулись к верёвочной лестнице.

— Коровы, коровы, коровы! — орал Подо.

Джаннер вскарабкался по лестнице вслед за Тинком и Лили. Когда дети оказались в доме, Подо тоже протиснулся в люк и опустил крышку.

— Неплохо, — с довольной улыбкой произнёс он. — Джаннер, в следующий раз гони брата и сестру быстрее. Будь здесь настоящие коровы, вы бы не успели добраться до лестницы и их громадные зубы уже вонзились бы в вашу нежную плоть...

— Папа, — с упрёком сказала Ния.

— ...и раздробили кости, — закончил старик. — Если Тинк слишком упрям, чтобы всё бросить и бежать, твоя задача, Джаннер, убедить его, понятно?

Джаннер покраснел, но оправдываться не стал. Тренировки по спасению от клыкастых коров проходили ежедневно с тех пор, как они поселились в доме на дереве, и постепенно дети перестали вопить от ужаса, когда крики Подо нарушали мирную тишину леса.

Узнав, что он Хранитель трона Анниеры, Джаннер серьёзно отнёсся к своей обязанности защищать короля. Слушая рассказы матери о подвигах Пита в качестве Хранителя трона, мальчик гордился древней традицией, к которой был причастен.

Беда заключалась в том, что Верховным королём, которого он должен защищать, оказался его младший брат Тинк. Не то чтобы Джаннер завидовал — сам он ничем не хотел править, — но иногда ему просто не верилось, что тощий и беспечный Тинк это настоящий король, и более того — правитель легендарного Сияющего Острова.

Пока Подо разглагольствовал об обязанностях старшего брата, о многочисленных опасностях Глибвудского леса, о том, как следовало поступить, заслышав сигнал тревоги, Джаннер смотрел на лес за окном. Он скучал по дому. Когда они покинули городок Глибвуд и поселились в лесном замке Пита, Джаннер жаждал приключений. Он предвкушал долгое путешествие в Ледяные прерии и от волнения едва мог заснуть. А когда засыпал, ему снились заснеженные просторы, залитые светом таких ярких и острых звёзд, что о них можно было бы пораниться.

Но шли недели — Джаннер уже сбился со счёта, — и приключения ему поднадоели. Он соскучился по привычному порядку вещей. По горячей еде, медленной смене времён года, по птицам, которые гнездились в уголке над дверью — утром и вечером Джаннер, Тинк и Лили рассматривали крошечные синие яички, затем птенцов, а в один прекрасный день с удивлением обнаруживали пустое гнездо, не понимая, куда делись птицы. Но те дни миновали; нравилось это Джаннеру или нет, старый до-

мик на окраине Глибвуда перестал быть ему родным. Но и в замке Пита он не чувствовал себя как дома. Джаннер сомневался, что у него вообще есть дом.

Подо продолжал говорить, и Джаннер ощутил жгучее раздражение — как всегда, когда ему втолковывали хорошо известные вещи. Но он промолчал, зная, что взрослые ничего не могут с собой поделать. Подо и мать мучили его нотациями до полного отупения, и бороться с ними было бессмысленно.

Поняв, что речь Подо подходит к концу, мальчик заставил себя прислушаться.

— ...лес — опасное место, и какая-нибудь зверюга за просто сожрёт того, кто ловит ворон!

— Да, сэ, — как можно почтительней отозвался Джаннер.

Дедушка ухмыльнулся и подмигнул, и Джаннер невольно улыбнулся в ответ. До него дошло, что Подо прекрасно знает, о чём он думает.

Старик повернулся к Тинку:

— Отличный выстрел, мальчуган, да и Клыка ты здорово нарисовал.

— Спасибо, деда, — ответил Тинк, и у него заурчало в животе. — А когда завтрак?

— Послушай, парень, — Подо сдвинул густые брови и устремил на внука устрашающий взгляд, — когда брат говорит тебе идти — бросай всё и беги, как будто под тобой горит земля.

Тинк побледнел.

— Ты пойдёшь за Джаннером и спрыгнешь с утёса в Тёмное море, если он тебе велит. Ты Верховный король, а значит, должен думать не только о себе!

Досада Джаннера прошла. Ему было приятно, что ругают не его одного, хоть и мучила совесть, что он радуется, глядя на муки Тинка.

— Да, сэ, — сказал Тинк.

Дедушка долго смотрел на него, и Тинк повторил:

— Да, сэр.

— Ну, детка, ты в порядке? — спросил старик с улыбкой, повернувшись к Лили.

Та кивнула и завела за ухо прядь волнистых волос:

— Дедушка, когда мы пойдём дальше?

Остальные с удивлением взглянули на неё. Семья провела несколько недель в относительном покое, но время шло, и становилось всё труднее избегать этого вопроса. Беглецы знали, что нельзя прятаться в лесу вечно. Наг Безымянный и его Клыки терзали землю Скри, и тень зла с каждым днём всё плотнее накрывала Ануот. Рано или поздно она вновь упадёт на Игиби.

— Скоро нам придётся отсюда уйти, — сказала Ния, глядя на лес. — Когда опадёт листва, наше убежище окажется на виду. Да, Артам?

Пит слегка подпрыгнул, услышав своё имя, и, прежде чем ответить, почесал в затылке:

— Холодная зима придёт, листва облетит, мостки будет видно... да. Ужно нуходить... нужно уходить.

— В Ледяные прерии? — уточнил Джаннер.

— Да, — сказала Ния. — Клыки не любят холод. Мы все видели, что зимой они тупеют, даже в наших краях. Надеюсь, среди вечных льдов Клыки не водятся.

Подо что-то буркнул.

— Я знаю, о чём ты думаешь. Это исключено, — спокойно произнесла Ния.

— А о чём думает дедушка? — поинтересовался Тинк.

— Это наше с ним дело.

— О чём он думает? — настойчиво спросил Джаннер и заметил, что голос у него звучит совсем как у взрослого.

Ния нерешительно взглянула на сына. Она долго хранила от детей множество секретов, и Джаннер понимал: матери по-прежнему трудно откровенничать с ними. Но с тех пор всё изменилось. Джаннер знал, кто он такой

и кто его отец, и приблизительно представлял, что стоит на кону. Он уже убедился, что его мнение важно для матери и бабушки. Он был Хранителем трона — по крайней мере, знал, что он Хранитель трона, — и поэтому старшие стали обращаться с ним иначе.

— Мм, — произнесла Ния, всё ещё сомневаясь.

Пододо решил за неё.

— Я думаю, мало пойти в Ледяные прерии и затаиться там, как земляные жабы, положившись на судьбу. Если Оскар прав, если на севере и впрямь обитают люди, которые не желают жить под пятой Клыков, если они в самом деле готовы драться, они и без нас оторвут Клыкам хвосты и прогонят их обратно в Дань. Лично я думаю, что драгоценности должны сесть на корабль и плыть домой. — Он повернулся к дочери. — Только подумай, дочка. Вы поплывёте на Анниеру...

— Почему «вы»? — вмешался Тинк.

— Не важно, — отмахнулся Пододо. — Ния, только представь: ты сможешь вернуться домой.

— Нам некуда возвращаться, — отрезала Ния.

— Хорошо, оставим Анниеру. Как насчёт лощин? Ты не видала Зелёные лощины десять лет. И насколько нам известно, лапа Клыка туда не ступала! Там, возможно, ещё живут родственники твоей матери, которые думают, что ты погибла вместе со всеми нами.

Ния закрыла глаза и тяжело вздохнула. Пит и дети смотрели в пол.

Джаннер никогда не думал, что у него есть родственники, которые живут за морем, в Зелёных лощинах. Он был согласен с матерью, что не стоит и пытаться. Им и так хватает забот. Сначала нужно проскользнуть мимо Клыков в Торборо, затем двинуться на север, через Каменные горы, в Ледяные прерии. А Пододо предлагает пересечь море! Джаннер не привык к такому размаху.

Ния открыла глаза и заговорила.

— Папа, сейчас нам ничего не остаётся, кроме как отправиться на север. Не нужно плыть за море. Не нужно возвращаться на Анниеру. Не нужно ехать в Зелёные лощины. Мы пойдём на север, подальше от Клыков, и точка. Давай переправим детей целыми и невредимыми в прерии, а потом поговорим.

Подо вздохнул:

— Ладно, дочка. Мы и туда-то без хлопот не доберёмся... — Он взглянул на Пита, который стоял на голове в углу. — Ты небось пойдёшь с нами?

Пит ахнул и свалился на пол, а затем вскочил и отсалютовал. Лили засмеялась.

— Так точно, сэр! — отрапортовал Пит, подражая хриплому голосу Подо. — Я готов, если Ветропрыги готовы. Я знаю дорогу до Ледяных прерий. Я был там, давным-давно — там ничего нет, кроме равнин и льда... Белого, ослепительного, холодного льда. Там очень холодно. Сплошной лёд... — Пит сделал глубокий радостный вдох и хлопнул в ладоши. — В путь! — Он распахнул люк и выпрыгнул, прежде чем его успели остановить.

Дети подбежали к люку и увидели, как он скользит по верёвочной лестнице. Достигнув земли, Пит торопливо зашагал на север. Малыш, который лежал в большой яме меж корней, вскинул огромные уши и, не поднимая головы, посмотрел вслед Питу, который исчез в лесу.

— Он вернётся, как только поймёт, что мы не идём за ним, — с улыбкой сказала Лили.

Они с Питом проводили целые часы вместе — иногда читали, а иногда он танцевал, взмахивая руками в носках, а Лили играла на свистоарфе. Присутствие девочки, казалось, оказывало на него целительное действие. Рядом с ней Пит переставал суетиться, его взгляд становился сосредоточенней, а голос — спокойней и уверенней. Тогда Джаннеру было проще поверить в рассказы Нии о подвигах Артама П. Ветрокрыла на Анниере, до Великой войны.

В дружбе Лили и Пита плохо было лишь одно: Подо ревновал. До того как в их жизни появился Пит Носок, Подо и Лили крепко дружили — отчасти потому, что у обоих была только одна здоровая нога, а отчасти потому, что между дедушками и внуками издревле существует особая связь. Ния как-то сказала Джаннеру, что Лили вдобавок очень похожа на бабушку Вендолин.

Пока дети смотрели вслед Питу, над дубом стремительно мелькнула чья-то тень, и послышался высокий приятный звук, словно по большому колоколу стукнули крохотным молоточком.

— Вот и одинокий фендрил.

— Папа, — позвала Ния.

— Что? — спросил Подо, сердито глядя в окно.

— Кажется, нам пора уходить, — сказала Ния.

Тинк и Джаннер с улыбкой переглянулись. Тоску по дому как рукой сняло. После долгого ожидания им наконец-то предстоит приключение.

2

Пролетев над лесным замком Пита, одинокий фендрил мелькнул и над Джо Шустером, хозяином «Единственной в Глибвуде гостиницы», который лежал ничком в грязи, глотая слёзы. Эдди, жена Джо, стоя на пороге, в ужасе смотрела на него, зажав себе рот руками, чтобы не кричать, когда сапог Клыка сильнее надавил на спину бедолаге.

День стоял ясный и жаркий. Ветер гнал по улицам сухую листву и клубки перекаати-поля, которые скапливались под стенами старых домишек. Несколько недель назад городок Глибвуд пережил сильнейшую бурю — она обрушилась на Скри, будто Создатель в гневе топнул ногой. Цветочная лавка Феринии лишилась крыши, и её залило дождём. Некоторые строения и вовсе рухнули, и часть Глибвуда лежала в развалинах. «Единственная гостиница», книжный магазин и городская тюрьма уцелели и служили теперь печальными напоминаниями о городке, некогда тихо и мирно стоявшем на краю утёса.

Джо поморщился и с трудом выговорил:

— Нет, господин, я их не видел, клянусь.

Клык стукнул Джо по голове древком копья — сильно, но не настолько, чтобы пленник лишился чувств. У Эдди вырвался крик; Клык повернулся и ледяным взглядом приковал женщину к месту. Перетащив через Джо холодный влажный хвост, он поднялся по ступенькам к двери. Эдди взвизгнула, когда Клык ворвался в гостиницу и схватил её за горло.

— Ах ты вонючка! — прошипел он, зажимая курносый нос и с трудом подавляя тошноту. — Ну-ка глянь старому Хиггу в глаза и скажи честно: ты видела Игиби или этого мерзс-ского Ос-скара Ритипа, который держал книжный магазин?

Эдди побледнела и задрожала, не в силах ни говорить, ни отвести глаз от длинных клыков, которые, источая яд, торчали из пасти ящера.

— Это всё без толку, Хиггк, — крикнул другой Клык, с удовольствием наблюдая за происходящим с улицы. — Ты лучше её кусни.

— Для того нам и зубы даны, а то ж, — подхватил третий.

Джо Шустер поднялся на колени и умоляюще сложил руки:

— Пожалуйста! Господа! Не трогайте мою Эдди! Она ничего не знает. И я тоже, честное слово! — Он пытался говорить твёрдо, но это было невыносимо — он видел бледное лицо жены в опасной близости от клыков ящера. — Прошу вас!

Клыки с восторгом смотрели, как корчатся Джо и его жена; товарищи начали подзадоривать Хиггка. Тот ухмыльнулся и открыл пасть. Его клыки удлинились, и из них брызнули тоненькие струйки яда, оставив на блузке Эдди тёмные пятна прожогов. У Эдди закатились глаза, затрепетали веки, и Джо взмолился, чтобы она потеряла

сознание прежде, чем Клык её укусит. Женщина безжизненно повисла в лапах ящера.

Из недр «Единственной гостиницы» донёсся громкий свист. Джо смутно догадался, что это чайник на плите.

Эдди открыла глаза.

— Чай готов, — пробормотала она, и Джо, охваченный внезапным порывом вдохновения, вскочил на ноги.

— Подождите! — воскликнул он.

— Что?! — рявкнул Хиггк. — Ты вдруг всё-спомнил, куда делис-сь Игиби?

— Нет, господин, но если вы укусите мою Эдди — кто приготовит вам козюльную кашу? Никто в целом Скри не умеет готовить её лучше Эдди Шустер! А ещё комариный пирог! И рулет с обрезками ногтей!

Хиггк помедлил. Остальные Клыки перестали его подначивать и взглянули на Джо и Эдди с несомненным интересом. В наступившей тишине был слышен только свист чайника. Джо вытер руки о фартук и посмотрел на жену. Та набралась храбрости и произнесла:

— Моя запеканка из м-мышиных носов просто до отращения прекрасна.

— Ну ладно, — кивнул Хиггк. Он выпустил Эдди, и она бессильно опустилась на землю. Джо бросился к жене и поцеловал её в лоб. — Фу, — поморщился Клык. — Учти, если я не получу миску этой твоей запеканки к вечеру, то закончу начатое.

Остальные Клыки зашипели, зарычали и мерзко захихикали в знак согласия.

— А если узнаешь что-нибудь о Ритипе и Игиби и не с-скажешь, никакая еда не с-спасёт ваши вонючие шкуры.

Джо и Эдди заспешили на кухню и принялись изобретать рецепт запеканки из мышиных носов, которую Эдди со страха только что придумала. Для начала она послала мужа наловить мышей и крыс.

Джо поцеловал жену и возблагодарил Создателя за то, что они оба ещё живы.

— Я скоро, дорогая, — пообещал он.

Повесив фартук на спинку стула и надев сапоги, он уже взялся за дверную ручку, но помедлил и выглянул в окно, выходящее на задний двор. Клыков там не было. Тогда, вместо того чтобы выйти на улицу, Джо на цыпочках поднялся по чёрной лестнице на второй этаж и постоял на площадке, глядя в тёмный коридор и прислушиваясь.

С улицы доносились буйные возгласы Клыков. Скрипели старые дома, свистел ветер. Джо подкрался к восьмому номеру и приоткрыл дверь.

Меблировка восьмого номера — аккуратно застеленная кровать, умывальник, комод и стол — была очень простая, но прочная. Джо подошёл к окну и с грустью взглянул на развалины городка. За окном виднелось то, что осталось от таверны Шагги. Каменная труба торчала как ствол древнего дерева, на земле валялись доски, сломанные стулья и разбитые бутылки.

Морщась от скрипа половиц, Джо подошёл к комоду и отодвинул его от стены. За ним обнаружилась маленькая дверца. В последний раз оглянувшись, Джо нырнул в проём и задвинул за собой комод.

Проход заканчивался тесной каморкой с крошечным окошком в потолке. Света было мало, но вскоре глаза Джо привыкли к полумраку, и он разглядел тучного мужчину, лежащего в постели.

— Здравствуй, дружище, — шепнул Джо.

Мужчина шевельнулся и попытался сесть. Его объёмистый живот был перевязан окровавленным бинтом.

Джо положил руку ему на плечо:

— Лежи спокойно. Мне надо ненадолго выйти, но я решил сначала навестить тебя. Хочешь пить?

Раненый тщетно попытался прилепить к лысине прядь седых волос.

— Я... изнемогаю... перефразируя мудрые слова... Луиди Чикачеличелли, — проговорил он.

— Верю, — улыбнулся Джо, налил воды из стоящего рядом с кроватью кувшина и поднёс чашку к губам Оскара Н. Ритипа. — Загляну попозже, чтобы сменить повязку. Тебе что-нибудь нужно?

Оскар, морщась, отхлебнул:

— Ещё что-нибудь почитать, если тебя не затруднит, конечно.

Джо взглянул на стопки книг во всех углах.

— Постараюсь, — сказал он. — Отдыхай. Я вернусь вечером. Хорошо, что ты уже можешь говорить, Оскар.

— О да, — тяжело дыша, кивнул тот. — Я многое должен тебе рассказать, Джо. Зузаб... беда... — он закашлялся.

— Не волнуйся, мы ещё успеем поговорить.

Джо подумал: скоро придётся сказать Оскару, что его маленький приятель Зузаб исчез — возможно, погиб. Но он пока не хотел огорчать старика.

Оскар откинулся на подушки и почти мгновенно заснул. Выглядел он скверно, но с тех пор, как Джо обнаружил его истекающим кровью на полу книжного магазина, ему стало заметно лучше. В тот день, когда налетела буря, Джо и Эдди потратили немало сил, чтобы перетащить раненого в гостиницу. После того как Подо и Игиби бежали в поместье Анкльджелли, спасаясь от явившихся за ними сотен ящеров, новых Клыков в Глибвуд не присылали. Джо не знал, что случилось с Клыками в ту ночь, но, видимо, что-то уничтожило их всех.

Когда утром после битвы Шустеры выбрались из укрытия, им показалось, что настал конец света. Чёрные тучи кипели в небе над обезлюдевшим городком, улицы были полны пыли, костей и пустых доспехов. Вскоре из своей таверны показался Шагги, и Шустеры, увидев его, очень обрадовались. Они много лет жили бок о бок и были единственными из глибвудцев, кто предпочёл остаться

дома, а не бежать в Торборо или в Дагтаун в тот вечер, когда Игиби чуть не увезла Чёрная Карета.

А потом Шустеры лишились своего последнего друга.

Однажды вечером в Глибвуд явилась компания Клыков, идущая с севера, из форта Ламендрон. Шагги как раз катил через дорогу тачку с хворостом. Стоя у окна на втором этаже «Единственной гостиницы», Шустеры беспомощно наблюдали, как Клыки повалили его на землю, а один из них укусил Шагги за ногу.

Клыки ушли так же быстро, как и появились, но когда Джо и Эдди подбежали к Шагги, тот был уже мёртв. Шустеры, плача, похоронили друга на глибвудском кладбище, в южном конце Дрожливого переуллка. Джо извлёк из развалин таверны вывеску, на которой была нарисована собака с трубкой в зубах, и, положив её в изголовье могилы, красивыми буквами вырезал на ней «Шагги Бандибунд, образцовый сосед и друг».

И вот Клыки вернулись — и желали знать, где Ритип, Подо Рулевой и семейство Игиби. Джо понятия не имел зачем. Оскар в бреду что-то бормотал про Ледяные прерии и сокровища Анниеры, но Джо Шустер был простым хозяином гостиницы. В таких вещах он не разбирался, да они его ничуть и не интересовали. Он просто хотел, чтобы Оскар поправился и жизнь снова стала такой, как раньше, до появления Клыков.

Джо рассуждал так: если Клыки разыскивают Оскара — значит, книготорговца нужно спрятать. Когда раны у старика заживут, они решат, что делать дальше, а до тех пор надо соблюдать осторожность. Как Джо только что убедился, опасность грозила не только Оскару, но и им с Эдди. Джо страшно было представить, что с его любимой женой случится беда.

Напоследок Джо похлопал старика по ноге, и Оскар что-то промычал в ответ. Прежде чем выбраться из тайника, Джо долго стоял, прислушиваясь. Придвинув за собой комод к стене, он застыл.

Что это за звук? Кто-то двигался за окном?

Джо покрылся холодным потом, от страха у него закружилась голова. Как можно небрежней он достал из жилетного кармана платок и смахнул пыль с комода. Напевая под нос, он подошёл к столу и украдкой выглянул в окно.

Там маячило чьё-то лицо.

На ветке за окном восьмого номера сидела маленькая хрупкая фигурка в лоскутной рубахе. Глаза у этого существа были пронизывающие и холодные, и под их взглядом Джо замер.

— Зузаб! — воскликнул он радостно и в то же время растерянно. Оскар будет просто счастлив, узнав, что его приятель жив! Джо помахал горностранику, и тот кивнул в ответ. Маленький человечек, видимо, беспокоился о своём старике хозяине; он мог бы помочь Джо и Эдди ухаживать за Оскаром. Джо сунул платок в карман и открыл окно. — Добро пожаловать, Зузаб! — сказал он, когда горностраник словно паук забрался в окно. — Так приятно видеть в Глибвуде знакомое лицо.

— Приветствую вас, господин Шустер, — произнёс Зузаб. Его голос звучал тонко и ломко — не как у ребёнка, но и не как у взрослого мужчины.

Джо погладил горностраника по макушке, не заметив отвращения, мелькнувшего на лице Зузаба.

— Ты, наверное, беспокоишься об Оскаре, да? — спросил он с улыбкой, готовясь сообщить приятные новости.

Глаза Зузаба чуть заметно округлились. Он кивнул:

— Да, господин Шустер, я так волнуюсь... о его здоровье.

Джо открыл было рот и вдруг вспомнил слова Оскара, сказанные всего пять минут назад: «Зузаб... беда».

Сначала Джо решил, что Оскар хотел предупредить о чём-то своего маленького друга, но теперь вдруг засомневался. В том, как горностраник разглядывал его, хозяину гостиницы почудилось нечто зловещее.

— Оскар... — запинаясь, начал он.

Зузаб подался вперёд.

— Э... я не видел его с пор, как случилась вся эта история. А ты? — спросил Джо и снова принялся смахивать пыль с мебели, поправлять покрывала и взбивать подушки, с особой остротой сознавая присутствие Оскара по ту сторону стены. Только бы старик не застонал и не захрапел! — Джо открыл дверь и остановился на пороге. — Ну, ты со мной? Мне надо прибраться ещё в двенадцати комнатах, и это крайне увлекательно, уверяю тебя. Если нет — можешь выйти тем же путём, что и вошёл.

Зузаб молча смотрел на него, как кошка, готовая к прыжку. Джо показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Зузаб в последний раз окинул взглядом комнату, поклонился и легко вспрыгнул на подоконник.

— До свиданья, господин Шустер, — сказал он и, взмахнув лоскутным подолом, исчез.

На подкашивающихся ногах Джо подошёл к окну и запер его. И тут из тайной комнаты, где лежал Оскар, донеслось оглушительное пуканье.

В окне вновь возникла голова Зузаба.

— Извини, — сказал Джо.

Горностраник прищурившись поморщился — и пропал.

3

Два плана

Радость Джаннера и Тинка поугасла. Мальчики иногда забывают, что прежде чем пуститься на поиски приключений, нужно собрать вещи. Иногда вещи не важны — например, когда ты спасаешься из горящего дома, — но если перед уходом есть время сесть, всё продумать и обсудить, взрослые непременно этим займутся. Когда дети говорят «Пора идти», они имеют в виду «Пора идти». А у взрослых это значит «В неопределённом будущем мы, конечно, выдвинемся».

Сообщив, что они уходят, Ния вместе с Подо как ни в чём не бывало взялись за обычные домашние дела. На следующий день дети рубили дрова, стирали одежду, носили воду из ручья и вялили мясо — в то время как взрослые думали, обсуждали и спорили.

После ужина Ния и Подо развернули старую карту, чтобы продолжить путь до Ледяных прерий. Они решили отправиться к южной опушке леса, затем повернуть на запад, выйти на дорогу, ведущую к Торборо, потом пойти на юг, потом опять на запад — в обход города, кишашего Клыками.

— В трёх днях пути от Торборо великая река Блап уже не такая великая. Она широкая, но достаточно мелкая, чтобы перейти вброд, — сказал Подо. — И Клыков там мало.

— А как же Барьер? — спросила Ния.

— Что такое Барьер? — поинтересовался Джаннер.

— Это стена, которая тянется вдоль южной границы Каменных гор — вот здесь, — Подо провёл пальцем по карте. — Наг построил Барьер, чтоб помешать таким, как мы. Клыки охраняют его днём и ночью. Через несколько лет после того, как ящеры нас захватили, кое-кто понял, что на холоде они двигаются медленнее, и множество скриан бежало на север. Конечно, почти все они погибли. От мороза Клыки тупеют, но всё равно дерутся и кусаются. Особенно когда преследуют женщин, детей и стариков. И тогда Наг решил построить Барьер. Он удерживает далеко не всех: сами понимаете — трудно охранять стену такой длины, но целой толпой его не одолеть. Оскар сказал, что к западу от Торборо несколько человек смогут найти брешь и проскользнуть незаметно. Это-то мы и попытаемся сделать.

— Пит берётся провести нас через горы, — сказала Ния.

— Если в один прекрасный день не рехнётся и не заведёт нас в пропасть, — буркнул Подо. — Или в логово бомнублей.

— Малыш не боится бомнублей, — с гордостью сказала Лили.

Пёс залаял снизу при звуках своего имени, и Джаннер не стал говорить сестре, что даже Малыш может оказаться лёгкой добычей для бомнубля.

— Нам нужен двадцатидневный запас провизии, — продолжала Ния.

— То есть рассчитывать лучше на тридцать, — подхватил Подо.

— Почему? — спросил Джаннер.

— На всякий случай, милый, — ответила Ния. — Такие путешествия редко идут как задумано.

— Но почему именно двадцать? — настаивал Джаннер. — Столько времени нужно, чтобы добраться до Ледяных прерий?

— Дня два до Торборо, ещё три дня до брода... и знаешь что, парень... — негромко сказал Подо. — Пожалуй, проще показать, чем объяснить. Нам нужно ещё многое обдумать, и, когда мы выступим, ты поймёшь больше, чем сейчас из моих слов. Ясно?

Джаннер вздохнул:

— Да, сэр.

Ния и Подо ушли в другую комнату, оставив детей с длинным списком заданий по СНОПам, чтоб им было чем заняться перед сном.

Дети улеглись, ожидая от Подо сказки на ночь.

В то же самое время Оскар Н. Ритип пытался читать при меркнувшем свете, проникающем в окошко в потолке тайной комнаты. Щурясь сквозь очки, он смотрел на последнюю страницу книги под названием «Анатомия оскорблений».

— Вот старая ведьма, — пробормотал он и отбросил книгу в грудку других книг в узком промежутке между кроватью и стеной. — Да она же не отличит порядочного оскорбления от земляной жабы! — Оскар вспомнил, что заснул, не успев предупредить Джо насчёт Зузаба. Он сомневался, что маленький изменник где-то рядом, но Джо и Эдди должны знать, что Зузаб заодно с Клыками — просто на всякий случай.

Оскар ужасно проголодался; он подозревал, что проспал больше суток, хотя в отсутствие часов трудно было судить. Он чувствовал себя гораздо лучше. Кризис миновал, и теперь он мог говорить, не заходясь от кашля. Осторожно прижав ладонь к перебинтованному торсу,

он сел и спустил ноги на пол. Утром Оскар обнаружил, что в состоянии встать и даже тихонько обойти каморку, отведённую ему в качестве жилья. Он хотел продемонстрировать это Джо во время следующего визита, но, как назло и к его всё возрастающей тревоге, хозяин так и не пришёл. Из кухни и гостиной не доносилось голосов и знакомого шума. Весь день Оскар читал и перечитывал книги, пытаясь унять назойливый страх.

Каждый день Джо и Эдди меняли ему повязки, приносили еду и воду, а когда он был в состоянии слушать, приглушёнными голосами рассказывали про Клыкков, Игиби и Подо. Оскар не стал говорить добрым соседям, кто такие дети Игиби на самом деле. Чем меньше Шустеры знали, тем лучше.

Поначалу он беспокоился только о Шустерах. Но теперь ему хотелось пить, в животе урчало, и он начал осознавать серьёзность своего положения, сомневаясь, что сумеет позаботиться о себе или хотя бы протиснуться в узенькую дверцу. И как только он подумал, что может умереть от голода и жажды, каморка стала напоминать ему могилу: возможно, много лет спустя кто-нибудь найдёт его скелет, лежащий в постели и обложенный книгами. Интересно, что именно он будет читать в ту минуту, когда испустит дух? Он решил, что как только почувствует приближение конца, возьмёт книгу получше — пусть тот, кто обнаружит его останки, поймёт, что у покойного был хороший вкус.

Оскар снял очки, протёр их краем простыни, снова надел и поправил длинную прядь волос поперёк лысины. Счесть себя побеждённым он был готов ничуть не больше, чем признать, что он лыс как коленка. Оскар посмотрел на маленькую дверцу в противоположной стене. Рана перестала кровоточить, но в узкий проём он бы всё-таки не пролез. При мысли, что его внушительный живот может оказаться большей проблемой, чем колотая рана, Оскар усмехнулся.

Размышления старого книготорговца о собственном животе и о том, как же всё-таки спастись, были прерваны воплем, проникшим сквозь деревянные стены гостиницы. Оскар вздрогнул. Крик оборвался, сменившись приглушённым рычанием Клыков. Старик зашевелил губами, бормоча молитвы и лихорадочно оглядывая стены своей кельи. Что же делать? Он собрался с силами, сделал глубокий вдох и встал. Из глаз у него посыпались искры, и тут послышался ещё один вопль. Похоже, кричала Эдди.

С трудом переставляя ноги, Оскар направился до двери, проклиная своё брюхо, рану и Клыков, мысленно осыпая их словами, почерпнутыми из недавнего знакомства с книгой Гельбы Граунс-Миглатоб. Он дошёл до двери и, тяжело дыша, прислонился к стене, чтобы передохнуть, с тревогой заметив, что сквозь повязки снова проступила кровь.

С огромным трудом опустившись на колени, он упёрся плечом в заднюю стенку комода, загораживающего проход. Снаружи явственно доносились звуки борьбы; Клыки не просто рычали — они смеялись.

Оскар понятия не имел, что будет делать, если выберется из комнаты, однако совершенно точно не мог лежать в постели, слушая, как его друзей берут в плен или убивают!

Оскар навалился на комод всем весом, и тот отъехал в сторону.

Скривившись от боли, Оскар подполз к открытому окну — и ахнул. Таверна Шагги превратилась в груды сломанных досок. На другой стороне улицы виднелись руины цветочной лавки Феринии, печальные, как растоптанная лилия. Рядом, к огромному облегчению Оскара, стоял нетронутым его магазин, как и говорила Эдди Шустер. Магазин был цел и невредим, не считая того, что на крыше кое-где недоставало дранки.

Потрясение при виде городских развалин сменилось ужасом, когда Оскар обнаружил источник криков.

На улице стояли чёрные лошади, запряжённые в Чёрную Карету. Это была не та Чёрная Карета, которую Оскар видел в тот вечер, когда Подо Рулевой и Пит Носок сражались с Клыками. Она была длиннее и изящнее — и на вид отчего-то казалась гораздо страшнее. Вместо одного внутреннего пространства в ней было несколько горизонтальных отделений, похожих на уложенные боком стальные гробы, где едва мог поместиться человек. За частоколом длинных шипов на крыше кареты сидели двое Клыков с арбалетами.

Джо Шустер без движения лежал на земле. Несколько Клыков окружили его и тыкали древками копий. Ещё один ящер, заломив Эдди руки за спину, вёл её вниз по ступенькам тюрьмы. Клык, сидящий на крыше кареты, повернул ручку, и самая нижняя крышка с лязгом открылась. Двое Клыков подтащили Джо к экипажу и затолкали его внутрь. Эдди завопила, но её заставили улечься в стальной ящик над Джо. Клыки захлопнули крышки «гробов» и рассмеялись. Возница в капюшоне стегнул лошадей, и карета укатила.

Затем до Оскара донёсся разговор.

— Вот потеха, — сказал Клык, стоящий на улице под окном.

— Люблю, когда они так извиваются и вопят, — с готовностью отозвался другой. — Жаль, что маловато их с-стало. Целыми днями торчишь в этом городишке, а делать нечего, кроме как хвос-ст чесать.

— Ничего, скоро будет нам развлечение, — произнёс первый Клык.

— Да? Ну-ка выкладывай.

— Горностранник говорит, Игиби живут в лесу.

— Врёт небос-сь.

— Почему это?

— Клыкастые коровы их бы уже давно сожрали.

— Не-а. С ними тот подлюга в носках. Он клыкастых коров не боится. Горностраник говорит, он прямо с дерева на дерево перебирается. У него там и дом есть...

У Оскара глаза полезли на лоб. Несмотря на боль, он улыбнулся. Игиби живы!

— Где? — переспросил Клык.

— На дереве, говорю же.

Настала тишина.

— Это как?

— А я знаю? Хотя... что-то припоминаю такое. Прямо тоска берёт, как подумаю.

— Ну, поглядим. Сегодня ещё наши парни придут, а завтра после первой кормёжки пойдём в лес искать Игиби. Зас-станем их врасплох...

— Только не это, — прошептал Оскар.

Тут силы покинули его, и он растянулся на полу восьмого номера, не заметив, что под ним растеклась лужица крови.

4

На следующее утро, после завтрака, Пит Носок вернулся в дом на дереве, неся на плече освежёванную и выпотрошенную тушу пещерного глата. Когда он вскользь упомянул, что за ним по пятам, вероятно, идёт стая рогатых гончих, Подо велел Малышу сторожить. Как только Пит влез в люк и втащил глата, раздался вой, и Малыш бросился в заросли.

Джаннер и Тинк, сидя на полу лесного замка, занимались СНОПами, хотя при мысли о предстоящем путешествии головы у них шли кругом.

Тинк рисовал по памяти их старый дом — его попросила Ния. Она сказала, что, скорее всего, они никогда больше не вернутся в Глибвуд, зато у Тинка есть старый отцовский альбом, который можно рассматривать, знакомясь с кусочками семейного прошлого — здорово, правда? Одиннадцатилетний Тинк вряд ли задумывался о том, что однажды кому-то завещает свой альбом, но он любил рисовать и смутно сознавал, что свои рисунки стоит сохранять, поскольку в них содержится история...

Джаннер, сосредоточившись на собственном дневнике, старался описать радостное волнение, которое ощущал, думая о предстоящем путешествии в Ледяные прерии, и досаду оттого, что приходится долго собираться. Лили сидела в изгибе толстой ветки, заучивая слова из сборника песен.

Услышав лай Малыша, Джаннер выглянул в окно и увидел, что пёс возвращается, неся в пасти безжизненное тело рогатой гончей. Малыш так ласково обходился с детьми, что трудно было представить, как он кого-то убивает, однако гигантский пёс мог справиться не с одной только рогатой гончей. Они с Питом отразили нападение сотен Клыков, не получив ни единой раны.

Пит старательно копал яму у подножия дерева, чтобы спрятать сундук своих дневников — их было слишком много, и он не желал, чтобы они попали в лапы Клыков. Малыш бросил труп гончей на кучу земли рядом с ямой, и Пит, взвизгнув от неожиданности, отогнал огромного пса:

— Гончие плохо пахнут! Для супа не годится, книгам тем более вредно.

Малыш заскулил и утащил гончую обратно в заросли.

В то самое мгновение, когда Джаннер окунул перо в чернильницу, снизу донёсся голос Нии:

— Мальчики, идите сюда, я хочу, чтобы вы примерили мешки.

Джаннер и Тинк оставили свои занятия и торопливо спустились.

Ния, сложив руки на груди, стояла над грудой вещей и смотрела на сыновей. Последние две недели она прилежно трудилась, мастера заплечные мешки из старых одеял и кож, лежащих в углу лесного дома, и теперь вручила мальчикам по настоящему рюкзаку — с ремешками, пуговицами и разными отделениями.

Джаннер надел мешок на плечи. Он знал, что им понадобится еда, но понятия не имел, какие ещё припасы нужны для долгого путешествия.

— Вот книга, которую оставил тебе отец, — сказала Ния, кладя книгу в мешок. — Я её обернула, чтобы не испачкалась. И вот ещё, — и она протянула ему меч в ножнах, которые с помощью кожаных завязок можно было прикрепить к мешку.

Мешки тяжелели по мере того, как Ния клала в них всё необходимое: спички, огниво в промасленной обёртке — на тот случай, если спички закончатся, вяленое мясо, мешочки с солью, моток верёвки, складной нож, который Ния принесла из тайника в поместье Анкльджелли, запасная рубашка и штаны... Сбоку, рядом с мечом, Ния привязала лук Джаннера, без тетивы, и колчан со стрелами; то же самое она сделала с мешком Тинка. Затем, отступив, она придирчиво оглядела ношу на спине у сыновей.

— Ну, неплохо, — она одобрительно кивнула, а потом перевела взгляд на мальчиков, и Джаннер застонал. — А вот у вас вид ужасный. Ну-ка идите сюда.

Ния подвергла Джаннера и Тинка мучительной пытке мытьём. Джаннеру казалось, что мать пытается начисто содрать с него кожу. Затем она принялась их стричь. Складным ножом — из тех, которые предстояло взять с собой, — она кромсала отросшие спутанные волосы сыновей, ворча и немилосердно дёргая, пока срезанные пряди не усеяли землю под ногами.

Удовлетворившись результатом, Ния достала зеркальце, и Джаннер с удивлением взглянул на себя. За время, минувшее с тех пор, как они впервые спасли Лили от Сларба, многое изменилось. Джаннер видел в собственных глазах зрелую серьёзность, которая, как он надеялся, однажды должна превратиться в мудрость. Он передал зеркальце Тинку, гадая, заметит ли братишка такую же перемену в себе.

Но Тинк тут же скорчил глупую безобразную рожу и расхохотался. Лили тоже рассмеялась. Мальчуган несколько минут не мог успокоиться — он строил нелепые

гримасы и хохотал до колотья в боку. Джаннер невольно улыбнулся проделкам брата и заметил, что Ния тоже улыбается.

«И это, — подумал он, — Верховный король Анниеры! Да поможет нам Создатель».

Его мысли прервал странный звук в лесу.

Джаннер взгляделся в заросли, пытаясь понять, не померещилось ли ему. Жизнь в Глибвудском лесу научила его распознавать крики пещерного глата, хрюканье бородавчатой земляной жабы, жуткое мычание клыкастой коровы и вой рогатой гончей. Пит даже научил детей различать голоса птиц, объяснив, какие из них опасны, какие проказливы, а какие скорбят по товарищам, которых сожрала горлоласточка.

Но это был совсем другой звук, почти человеческий. Джаннер быстро окинул взглядом родных — наверняка кто-то отлучился в кусты! К его ужасу, все были здесь.

— Ш-ш! — прошипел он, зажав Тинку рот. — Слышишь?

— Мф-ф, — отозвался брат.

Звук стал громче; теперь он сопровождался треском кустов. Подо и Ния тоже насторожились и стояли неподвижно, прислушиваясь. Малыш скулил и метался взад-вперёд, пока Лили на него не шикнула.

Наконец меж стволов эхом раскатился чей-то голос — так близко, что теперь уже можно было расслышать слова:

— Как выразился Убиниус Хныкнутый — «бегите, Игиби!»! Если вы здесь — бегите! Они уже близко!

5

Оскар Носс Ритип подскакивал и трясся на спине ошарашенного осла как во время землетрясения. Поводья он задрал до ушей и уже давно утратил всякую надежду вернуть ноги в стремяна. Очки болтались у него на одном ухе, а прядь седых волос отлепилась от лысины и развевалась на ветру как белый флаг.

Джаннер чуть с ума не сошёл, узнав своего старого друга. Когда он последний раз видел Оскара, тот лежал полумёртвым на полу книжного магазина и приказывал мальчику бежать. В ту жуткую ночь в Глибвуде, после ужасов битвы, предательства Зузаба и бегства всей семьи в поместье Анкльджелли, Джаннер решил, что Оскар умер. Увидев его живым, мальчик испугался, но испуг тут же сменился радостью. Он заулыбался, когда Ритип подскакал к нему — с таким треском, что стайка дергунчиков, устроившаяся на дереве, в ужасе улетела прочь.

— Джаннер! — голос Подо пробился сквозь хаос в голове мальчика. — Парень!

Джаннер пришёл в себя и, поняв, что он один стоит неподвижно, ахнул: до него наконец дошёл смысл призыва Оскара «...бегите, Игиби! Как выразился...»

Прежде чем старик успел договорить, бедный осёл — то ли от усталости, то ли оттого, что ему стало невмоготу нести на себе такого грузного седока, — упал, и Оскар, выпучив глаза, полетел прямо туда, где стоял Джаннер. Но тут вожжи, которые он по-прежнему крепко сжимал в кулаке, натянулись, и толстенький книготорговец, перевернувшись, рухнул на спину у ног мальчика.

Осёл заорал.

Оскар лежал на земле, моргая и удивляясь, что ещё жив.

— Джаннер, мой мальчик, рад тебя видеть. Я спешил как только мог.. — Он поморщился и прижал ладонь к боку, когда Джаннер помогал ему подняться. Живот у старика был обмотан окровавленными бинтами.

— Не знаю, как вы выжили, господин Ритип, но я тоже очень рад, — сказал Джаннер.

Подо спустился с дерева с узлом на спине. Ния и Лили упаковывали в мешки съестные припасы. Тинк по одному бросал переплетённые в кожу дневники Пита из окна лесного замка, Пит ловил их и складывал на прямоугольный кусок холстины, расстеленный на земле.

— Всё, дядя Пит! — крикнул Тинк.

Пит кивнул, связал холстину в узел и опустил его в яму, которую вырыл меж корней.

— Оскар, сколько у нас времени? — спросил Подо.

— Ох... — Оскар отряхнулся. — Несколько минут. Я пытался ускользнуть незаметно, но они меня увидели. Их сотни. Сотни!

По лесу пронёсся новый звук. Ужасный звук. Джаннер никогда ещё такого не слышал. Полустон-полурык. Было ясно, что его издаёт какое-то громадное существо. Даже Малыш заскулил и, подскочив к Лили, прижался к ней

своим большим лохматым телом — то ли чтобы защитить хозяйку, то ли попытаюсь найти защиту у неё.

— И ещё кое-кто, — мрачно произнёс Оскар.

— А? — спросил Подо, взвалив на плечо нагруженный припасами мешок. — Что ещё?

— Тролли, — сказал Оскар, содрогнувшись.

Тролли?! Джаннер ощутил ледяной ужас. Он никогда не видел троллей — только на картинках в «Зверопедии» Пембрика: все они были отвратительны на вид.

При виде тревоги на лице матери сердце у мальчика забилось чаще. Ния сохраняла спокойствие в самых жутких обстоятельствах; в огне опасности она словно покрывалась льдом. Но когда троллий рык прозвучал вновь, на сей раз ближе, Ния, пускай на мгновение, превратилась в измождённую старуху.

Подо внимательно взглянул на Оскара и кивнул:

— Тролли, Клыки или моя прабабка Оларайя — не важно: давайте уносить ноги. Джаннер, веди сюда осла — погрузим на него всё что можно. Тинк!

— Да, сэр! — отозвался мальчик.

— Помоги сестре с вещами, а потом бери лук и держи его наготове. Поедешь на Малыше вместе с Лили. Стреляй, никого не жалея! Только бей наверняка — ты меня понял? Стрелы дороги.

— Да, — ответил сверху тонкий голосок. — Стрелы дороги. Но, боюсь, Игиби от них не будет никакого проку. — Высоко на ветке сидел Зузаб Койт и бесстрастно смотрел на них.

Оскар буквально заклокотал. От ярости все цитаты вылетели у него из головы.

— Ты! — заорал Подо, и его лицо побагровело от прилива проклятий, готовых сорваться с языка.

Но прежде чем он успел сказать хоть слово, Пит Носок с воплем сделал невероятный прыжок и ухватился за ветку, где сидел горностраник. Зузаб зашпешил прочь,

по пути дует в свой свисток. В вихре дёргающихся ветвей и падающих листьев Пит Носок и горностраник скрылись из виду. Подо и Оскар стояли внизу, утратив дар речи, и очнулись, только когда вновь послышался троллий рык, а потом ещё один сигнал свистка — совсем близко.

— Времени нет! Ходу! — велел старый пират.

Джаннер помог измученному ослу встать на ноги. Ния забросала землёй яму, где Пит спрятал свои драгоценные дневники, нагребла сверху листвы и разровняла её.

— Папа, куда мы пойдём? — крикнула она, когда Подо стремительно полез наверх по лесенке.

— Не знаю, дочка. Наверное, на север, — пробормотал тот. — На юг не получится!

— Но... на севере река! Мы попадём в ловушку!

— Там есть мост, — сказал Оскар. — Мост через... — Он согнулся и закашлялся. Джаннер едва успел поддерживать его.

Подо опрометью спустился, держа кусок вяленого мяса:

— Будем дураками, если останемся тут ещё хоть на минуту! Живей!

— Держи, — Ния сунула Джаннеру кожаный мешок Пита. — Привяжи к седлу, потом бери свои вещи. Дети, уходим!

— Мама, господину Ритипу больно, — сказал Джаннер. — Где у нас вода из Первого источника?

— Не знаю, сынок, она была у Артама. Напоим Оскара, когда уберёмся подальше от Клыков. — Ния повернулась к Оскару. — Вы сможете ехать верхом?

Тяжело дыша, Оскар кивнул.

Когда Джаннер вскинул мешок на плечи и меч, привязанный к остальной поклаже, хлопнул его по бедру, он тут же вспомнил, как тяжелы и опасны мечи — и как страшно, когда они бывают нужны. Стонущее рычание троллей стало громче; послышался топот марширующих ног.

Лили сидела верхом на Малыше, крепко вцепившись в чёрную шерсть у него на загривке. Новенький костыль висел у девочки за спиной. Тинк уселся позади сестры, держа наготове лук. Ния вела усталого осла за узду и успокаивающе гладила его по голове. Когда Оскар попытался влезть в седло, осёл мрачно взглянул на него и закричал.

— Ну, мальчики и девочки, — сказал Подо, — руки в ноги, да поживей!

— Дедушка, а как же дядя Пит? — спросила Лили.

Подо понизил голос и ответил, не глядя на внука:

— Ждать мы не можем. Некогда. Он нас нагонит.

— Но...

— ХВАТАЙТЕ ИХ! — послышался совсем близко голос Клыка.

Джаннер увидел за деревьями зелёную чешуйчатую морду, потом вторую, третью... Подо схватил Малыша за ошейник и бегом пустился в дебри Глибвудского леса.

6

Они бежали через лес. За ними незримой бурей неслись завывания, рык и топот наступающей армии Клыков. Осёл уже не нуждался в понуканиях Джаннера. Пита Носка нигде не было видно, но сквозь зловещие звуки погони время от времени доносился его вопль.

Подо не останавливался; хоть у старика вместо одной ноги была деревяшка, ему приходилось притормаживать, чтобы остальные не отстали. Джаннер и Ния бежали по бокам от обезумевшего осла, а Оскар пыхтел позади.

На бегу Джаннер обернулся и увидел мелькающую среди деревьев шеренгу Клыков, а среди них — трёх громадных троллей, ломающих толстые сучья как прутики. Джаннер ощутил смесь ужаса и восхищения; жалко, что нельзя остановиться и как следует разглядеть этих грузных зловонных существ.

— Джаннер, осторожней! — воскликнула Ния, и он едва успел обогнуть деревце.

Малыш рысил впереди, рядом с Подо, тщательно выбирая дорогу, чтобы Лили не задевали низко нависшие

ветки. При каждом троллём рыке пёс прижимал уши и скулил.

— Тихо, мальчик, — говорила Лили, глядя его.

Тинк сидел позади сестры, держа в руке лук.

— Тинк, ты их видишь? — тяжело дыша, спросил Джаннер.

— Ага, — кивнул Тинк, стараясь скрыть тревогу. — Они приближаются. Дедушка, они приближаются!

— Слышу, парень, — отозвался Подо. — Держи стрелу на тетиве.

Джаннер не утерпел и опять оглянулся. Он увидел, что Клыков и троллей уже гораздо больше и они настолько приблизились, что можно было разглядеть их злобно-торжествующие морды. И почуять запах. Резкая горькая вонь наполняла воздух, принеся с собой воспоминания о Сларбе, Гнорме, Чёрной Карете, мерзкой холодной чешуе. За воспоминаниями следовал всепоглощающий ужас. С той самой минуты как Оскар выскочил на поляну, Джаннер чувствовал напряжение и тревогу — но теперь, когда он вспомнил стальную хватку Клыков и жжение яда, стекающего с зубов ящера, ему стало по-настоящему страшно.

— Оскар! — крикнула Ния.

Старик споткнулся и, зашатавшись, как неаккуратно сложенная стопка книг, которая вот-вот рухнет, протянул руку, чтобы схватиться за ближайшее дерево. Джаннер с тревогой увидел, что она красная от крови. Колени у Оскара подогнулись, и он повалился на землю.

Подо бросился к другу и помог ему встать.

— Джаннер, расчисти место! — велел он.

Джаннер сдвинул на осле спальные принадлежности и сумки с припасами и с помощью Подо взгромоздил Оскара на бедное животное. Старик лежал на животе поперёк седла как свежеубитая дичь. Глаза у него закрылись, на лбу обильно выступил пот.

— Тинк! — закричала Лили, и Джаннер, обернувшись, увидел, что из рядов наступающих Клыков выскочила рогатая гончая и устремилась к ним. На ней был ошейник, морду и туловище украшала чёрная боевая раскраска.

Тинк сидел, словно окаменев, на спине Малыша.

— Стреляй! — взревел Подо.

Тинк дважды моргнул и пришёл в себя. Натянув лук, он выпустил стрелу — и гончая рухнула, взметнув кучу листьев.

Подо мог и не приказывать бежать со всех ног. Малыш бросился вперёд так резво, что Тинк чуть с него не свалился. Ния бежала рядом с вопящим ослом, придерживая стонущего Оскара.

Бежать было трудно. Лес к северу от дома Пита рос на сплошных холмах. То и дело приходилось огигать опасные овраги и пересохшие речные русла, полные упавших стволов.

Поднявшись на верхушку пологого склона, Джаннер увидел, что Клыки приблизились на расстояние выстрела. Ещё две рогатые гончие неслись к Игиби. Тинк выстрелил, но промахнулся. Пока он спешно доставал из колчана новую стрелу, с дерева спрыгнул Пит и, сразив гончих обнажёнными когтями, снова исчез среди ветвей.

Джаннер понимал, что Питу не справиться с сотнями Клыков, но его присутствие было сродни прохладному ветерку в жаркий день. Хранитель трона Анниеры стоял между Игиби и их врагами.

Присутствие Пита оказало удивительное действие и на Клыков. Джаннеру мало что было видно, но он почувствовал, что расстояние между ними и преследователями увеличилось. Хотя числом Клыки превосходили беглецов в сотни раз, однако они замедлили шаг, с опаской глядя на деревья.

Джаннер едва успел остановиться на краю крутого склона. Подо завёл Малыша в глубокий овраг и шагал

по расселине, среди сухих ветвей, коричневых листьев и гнилых стволов. Овраг тянулся далеко в обе стороны, поэтому не было иного выхода, кроме как пересечь его.

Осёл стоял на краю. Джаннер тянул за узду, Ния толкала сзади, но упрямое животное не двигалось с места, не сводя глаз со дна оврага; ноздри у него раздувались.

Если бы Джаннер не бежал со всех ног, пытаясь спастись, он бы, возможно, вспомнил, что говорится в «Зверопедии» Пембрика об оврагах в Глибвудском лесу, и, наверное, успел бы предупредить родных, прежде чем те спустились в заваленную стволами расселину. Если бы Джаннер не думал о Клыках и троллях, рычащих у них за спиной, он бы настоял на том, чтобы поискать обходной путь, даже если бы на это ушло несколько часов.

Если бы Пит Носок, хорошо знакомый с лесными опасностями, был рядом с ними, а не отбивался от Клыков, троллей и рогатых гончих, он бы самым энергичным образом подтвердил, что Игиби не стоит спускаться в эту дыру.

Но они спустились.

Малыш стоял на дне оврага, поставив мощную лапу на старой гнилой ствол. Лили и Тинк сидели на громадном псе. Ния спустилась к ним, а Подо и Жаннер, на полпути вниз по склону, тянули осла за узду. Жаннер обошёл животное сзади и изо всех сил толкал его, однако проку не было. Поражённый ужасом, осёл кричал и упрямо мотал головой, явно не собираясь идти дальше.

— Ну же, упрямая скотина! — взревел Подо.

— Совсем чуть-чуть! — прозвенел из оврага ласковый голос Лили. — Ну пожалуйста! Иди сюда!

Услышав Лили, осёл наострил уши, перестал вопить и неуверенно шагнул вперёд. Подо удивлённо взглянул на внучку, и та улыбнулась в ответ.

Спускаясь по склону, Жаннер оглянулся.

Пит Носок, выпрямившись и скрестив руки на груди, стоял перед строем настороженных Клыкков. Подбородок у него был вздёрнут, глаза закрыты. Он напомнил Жаннеру мэра Благуса, дирижировавшего Глибвудским городским оркестром.

От шеренги Клыков отделился тролль. Впервые отчётливо увидев это существо, Джаннер понял, почему Ния и Подо так встревожились, когда Оскар упомянул о троллях. Ноги у тролля были короткие и толстые, зато ростом он вдвое превосходил человека. Туловище и руки у него бугрились мышцами и жилами, между плеч торчала крошечная голова, поросшая серой шерстью. Маленькие глазки прятались в тени мощного лба, которым, судя по всему, вполне можно было пробить крепостные ворота. В кулаке размером с бочонок чудище сжимало дубину с железными шипами.

Тролль размахнулся, издал стонущий рык и грохнул дубиной по земле. Земля задрожала, и с края обрыва, на котором стоял Джаннер, вниз покатались камешки. Осёл растерял всю храбрость, которую пробудила в нём Лили, и попятился.

— Дедушка! — крикнул Джаннер. — Он дальше не пойдёт!

Они сняли Оскара со спины осла и подпёрли его с двух сторон плечами.

Тролль снова стукнул дубиной по земле.

Пит по-прежнему не двигался с места. Он стоял дерзко и неподвижно, давая Игиби время скрыться — точно так же, как прикрывал их бегство в поместье Анкльджелли. Когда Джаннер и Подо достигли дна оврага, где ждали остальные, мальчик в последний раз взглянул на перепуганного осла. Ему было жалко бедную тварь: ведь неизвестно, что с ним сделают Клыки — заставят работать или съедят.

А потом он увидел, что с седла свисает кожаная сумка Пита.

Джаннер снял с плеча руку Оскара и побежал вверх по склону. Тролли и Клыки подступали всё ближе, а Пит теперь носился кругами и свистел. Он был храбр в той же мере, что и безумен, и Клыки совсем растерялись. Джаннер попытался отвязать сумку от седла, но ремни не под-

давались, и тогда он разорвал сумку, чтобы достать содержимое. Кроме пачки дневников, связанных бечёвкой, в ней обнаружили молоток, старый башмак, живая мышь и кожаная фляжка с водой из Первого источника.

Джаннер радостно ахнул, сунул фляжку в карман штанов и поспешил вниз.

Но что-то было не так.

Вместо того чтобы взбираться по противоположному склону оврага, Малыш неподвижно стоял на дне. Лили умоляюще разговаривала с ним, пытаясь привести в чувство. Тинк слез и держал громадного пса обеими руками за морду. Малыш слабо скулил.

И тут Тинк закричал и начал от чего-то отбиваться. Джаннер, перелезая через лежащие стволы, первым заспешил к брату, прежде чем остальные спохватились. Увидев, в чём причина, Джаннер тоже завопил.

Из щели меж двумя сухими сучьями на дне оврага — он теперь понял, что это вовсе не дно, — показалась голова с молочно-белыми глазами. Нос у неё был мокрый и плоский, морда длинная, как у лошади, но гораздо внушительней. Из пасти, полной острых кривых зубов, торчали два пожелтевших клыка. Это была клыкастая корова, угодившая в ловушку в логове каракана. То, что казалось беглецам дном оврага, на самом деле было просто слоем хвороста, маскирующего яму.

Корова держала в пасти левую ногу Тинка, которая уже оторвалась бы от туловища и двигалась по пищеварительному тракту зверя, если бы не поднимающиеся из логова каракана испарения, одурманившие чудовище. Глаза коровы, затянутые жёлтой слизью, пьяно вращались в глазницах, однако зверюга продолжала всасывать ногу Тинка дальше в пасть.

Джаннер потянул ногу брата, но зубы коровы были загнуты внутрь. Если бы не дурман, одноногих в семье Игиби наверняка бы прибавилось.

Подо подбежал с обнажённым мечом и атаковал корову, но её голова лишь отчасти виднелась сквозь просвет в ветках, и старику не удалось нанести твари достаточно вреда, чтобы высвободить из её пасти ногу мальчика.

Суматоха заставила Малыша очнуться. Громадный пёс залаял и встряхнулся как после сна. Увидев корову, он подскочил к ней так, что Лили чуть не слетела с его спины. Ветки, на которые ступил Малыш, сдвинулись, и голова коровы просунулась дальше.

Братья и дедушка переглянулись, и все поняли, что сейчас упадут.

Именно это и произошло.

Малыш с треском полетел в яму. Лили упала ему на бок, в мягкий мех, а Джаннер, Тинк и Подо покатались по усыпанному листвой полу логова.

Джаннер, хотя и был ошарашен падением, понял, что нога Тинка выскользнула из зубов коровы. А потом он увидел страх на лице Подо. Старый пират смотрел через голову внука, застыв как статуя.

Логово кишело чудовищами.

